

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ БРУШЛИНСКИЙ В МОЕМ СЕРДЦЕ*

Мой интерес к русской психологической науке (в то время она называлась “советской психологией”) был пробужден благодаря статье Андрея Владимировича “Основные проблемы и перспективы математизации психологии мышления”, вышедшей в 1975 году. Экхарт Ширер (Eckart Scheerer), мой коллега, прошедший во время своего пребывания в Соединенных Штатах курс русского языка, сделал перевод только что опубликованного текста, который он и предложил обсудить на нашем семинаре по когнитивной психологии. На меня произвел такое глубокое впечатление нестандартный (для нас) стиль холистического мышления Андрея (связанный с “неаддитивностью” мыслительного процесса), что я обратился к оригинальному тексту, опубликованному в “Вопросах психологии”, постоянно прибегая к помощи словаря и подбирая значения, руководствуясь переводом Ширера. Таким образом, Андрей и Экхарт открыли мне двери в русскую психологию и русский язык.

Вскоре я обнаружил, что немецкие переводы публикаций на русском языке являются в основном неполными и устаревшими, и это побудило меня к поиску русских журналов и книг. В 1979 г. мне прислали новую книгу Андрея “Мышление и прогнозирование”, которую я просто “проглотил”. Через две недели я послал подробный комментарий (на английском) на Ярославскую, 13, выражая свое восхищение “четким изложением и хорошо аргументированным решением некоторых из наиболее центральных проблем ... психологии мышления. Она действительно дала мне мощный импульс к прояснению моих собственных взглядов на эти вопросы и обеспечила очень полезными идеями. Я думаю, Вы сделали крупный шаг вперед в рамках программы, намеченной Рубинштейном. Я сожалею, что успел закончить свою диссертацию, посвященную мыслительному процессу в ассоциативном эксперименте, прежде, чем я познакомился с Вашим исследованием. Со многими вопросами, которые Вы обсуждаете, я столкнулся на собственном опыте, и, как теперь вижу, выход был далек от оптимального по причине нашего печально известного отсутствия подготовки в диалектическом мышлении” (мой личный архив).

Упомяну только две проблемы, новое понимание которых я получил из книги Андрея: два спо-

соба анализа психологических явлений (постепенное разложение на сопоставимые элементы и абстрагирование от деталей, объединяющих эти элементы); понимание континуальности и саморазвития процесса мышления. Обе эти идеи составляли резкий контраст привычным блок-схемам, построенным из множества независимых процессов, которыми я был так неудовлетворен. Именно это различие между диалектическим стилем мышления Андрея и тем, к которому я привык, следуя главному направлению западных публикаций, и побудило меня сопоставить эти стили во введении к “Советской психологии мышления”.

Мое письмо так и не дошло до адресата, как я узнал в 1982 г., когда я встретился с Андреем в Москве в первый раз. Он пришел на психологический факультет МГУ, где я был в качестве гостя, и мы в течение нескольких часов занимались обсуждением нашей общей темы: анализ через синтез как центральный механизм продуктивного мышления и методологические проблемы его ис-

А.В. Брушлинский в Риме
(1999 г.)

*Перевод с английского Ю.И. Александрова.

следования. Беседы с Андреем (даже по телефону) всегда были удовольствием для меня. Не оставаясь равнодушным к моим трудностям с языком, Андрей говорил, тщательно артикулируя слова, а его мысли всегда были удивительно ясными. Когда я изложил собственные представления относительно применения идеи анализа через синтез к дункеровской концепции “анализа промежуточной цели” или описанию “иерархии изменения перспективы при решении проблемы” (структура матрешки), то был поражен проницательностью Андрея и страстностью его критики.

В 1982 г. (так же как в 1984 и 1986) я пытался собрать свидетельства о жизни коллег, которые работали на таком далеком от нас “континенте”. Мне пришлось изменить множество моих предубеждений (например, что советская психология является скучной идеологической пропагандой), и я надеялся, что также сумею помочь понять это моим коллегам дома.

В 1984 и 1989 гг. я имел возможность находиться на Ярославской, 13, занимая стол в комнате коллег Андрея и беседуя с ним каждый день. Я чувствовал себя легко, спокойно, действительно как дома. В то время я был потрясен его детальным знанием истории психологии и еще больше его неискаженным представлением о ней. Я понял, что русские читатели увидят в последних публикациях Рубинштейна совершенно другие вещи (например, его мужество и независимость), нежели западные, некоторые из них осуждали его как “сталиниста”.

Впоследствии нам удалось организовать для Андрея два официальных визита в психологический институт Бохумского университета (1990, 1993), откуда он мог посещать другие немецкие институты (Гамбург, Бремен, Мюнстер, Марбург). Несколько раз я имел возможность сопровождать его и помогать при переводе лекций и дискуссий. Андрей всегда был приятным и тактичным гостем. Часами мы сидели вместе, обсу-

ждая наши общие темы – перечень их стал достаточно длинным, но центральный вопрос касался различий между двумя описаниями мышления: как живого процесса и как серии операций. Андрей помог мне понять, что “процесс” означает диалектический способ мышления, который порождает и объединяет ограниченный и ригидно повторяющийся ряд абстрактных действий (операций), – способ в смысле подчинения одной операции другой и конкретизирования каждой из них в соответствии с актуальной ситуацией. Проблема, стоящая за нашими бесконечными размышлениями, касалась понимания разницы между эксплицитными и имплицитными психологическими процессами. Я допускаю, что многие мои методологические предпочтения, связанные с экспериментальным исследованием, в тот период находились под глубоким влиянием идеала “микрогенетического анализа”, как он был разработан, замечательно продемонстрирован и верифицирован Андреем Владимировичем. Даже то, что в моей последней книге, – исследовании диалектического мышления (*Denken dialektisch gedacht*, 1999), – я упомянул Брушлинского около 10 раз, свидетельствует, насколько я усвоил его концепцию.

В течение 90-х гг. XX в. Андрей посылал мне несколько своих статей и книг, большая часть которых была посвящена проблеме “субъекта в психологической науке”, и я писал комментарии к ним. К концу тех лет мои интересы стали постепенно отходить от психологии. Может быть, Андрей был немного огорчен моим бездействием: мои ответы под конец стали реактивными и невключенными, после того как в течение 20 лет моей научной карьеры он был для меня самым стимулирующим, даже решающим образцом.

*В. Мамтеус,
Бохумский университет,
Германия*